УДК 394.21
DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-220-227

БУДДИЙСКАЯ ОБРЯДОВАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА А. А. ЛУШНИКОВА[1]

© **Цыденова Лилия Борисовна**
заместитель директора по научной работе,
Кяхтинский краеведческий музей им. акад. В. А. Обручева
Россия, 673840, г. Кяхта, ул. Ленина, 49
E-mail: kyakhtamuseum2@mail.ru

На основе архивных документов и фондовых материалов Кяхтинского музея в статье рассматривается становление творческой личности художника Александра Лушникова, сына одного из столпов кяхтинского общества второй половины XIX в. — Алексея Михайловича Лушникова. Семья потомственного почетного гражданина, кяхтинского купца первой гильдии, мецената А. М. Лушникова заслуживает особого внимания исследователей истории. Особенностью клана Лушниковых являлось то, что «меркантильные» интересы легко уживались с интересами искусства и литературы. Семья на благотворительность смотрела как на выполнение какого-то свыше назначенного долга. В статье особое внимание уделено атмосфере, в которой вырос А. Лушников. Гостями дома были известные путешественники Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, Д. Н. Клеменц, Г. Н. Потанин. А. А. Лушников, получив профессиональное образование, работал в разных жанрах и направлениях. В фондах Кяхтинского музея хранятся работы А. А. Лушникова, отображающие буддийскую обрядовую традицию.
Ключевые слова: Кяхта; А. А. Лушников; художник; мистерия ЦАМ; хутухта.

BUDDHIST RITUAL TRADITION IN THE WORKS OF THE ARTIST A. A. LUSHNIKOV

Liliya B. Tsydenova
Deputy Director for Academic Affairs,
Obruchev Kyakhtinsky Local History Museum
49 Lenina St., Kyakhta 673840 Russia
E-mail: kyakhtamuseum2@mail.ru

Archival documents and materials stock Kyakhtinsky Museum the article discusses the formation of the creative personality of the artist Alexander Lushnikov, the son of one of the pillars of Kyakhta society of the second half of the XIX century Alexei Mikhaylovich Lushnikov. The family of the Hereditary honorary citizen, Kyakhta merchant of the first Guild, philanthropist A. M. Lushnikov deserves special attention of history researchers. The peculiarity of the Lushnikov clan was that Mercantile interests easily coexisted with the interests of art and literature. The family looked upon charity as the performance of some over-appointed duty. The article pays special attention to the atmosphere in which A. Lushnikov grew up. The guests of the house were famous travelers N. M. Przhevalsky, P. K. Kozlov, D. N. Klements, G. N. Potanin. A. A. Lushnikov having received professional

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по гранту 17-21-21002: «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX в. по начало XX в. По материалам российских и китайских архивов».

education worked in different genres and directions. The collections of the Kyakhta Museum contain works by A. A. Lushnikov, reflecting the Buddhist ritual tradition.
Keywords: Kyakhta; A. A. Lushnikov; artist; mystery of TSAM; Hutukhta.

А. А. Лушников (1872–1947) родился в семье кяхтинского 1-й гильдии купца-чаеторговца А. М. Лушникова. Его малой родиной стала слобода Кяхта, расположенная на российско-монгольской границе. Монголия с 1691 по 1911 г. входила в состав Цинской империи. Рядом с Кяхтой, основанной в 1728 г., в результате заключения Кяхтинского трактата с противоположной стороны границы для торговых сделок в 1730 г. был основан китайский Маймачен (город купи-продай).

Кяхта в XVIII–XIX вв. была центром русско-китайской торговли. Через Кяхту в Китай шли и иностранные товары — английские, французские, голландские и немецкие изделия, она была втянута в орбиту мировой торговли. Кяхту называли миниатюрным Вавилоном за разноязычие, город был расположен на стыке европейской и восточной культур и традиций.

В метрической книге Кяхтинской Воскресенской церкви за 1875 г. внесена запись, что 12 августа 1872 г. состоялось крещение Александра. «Воспреемниками были кяхтинский купец 1-й гильдии Иван Федорович Токмаков и жена Селенгинского 1-й гильдии купца Анна Силиверстовна Чемякина»[1]. И. Ф. Токмаков имел отношение, как и Клавдия Христофоровна, к знаменитому роду Кандинских, он являлся двоюродным братом матери А. Лушникова.

У супругов Лушниковых Алексея Михайловича и Клавдии Христофоровны (Кандинской) было 11 детей, которые росли в атмосфере любви, творчества и все получили прекрасное образование. В доме был свой домашний театр, картинная галерея, для обучения детей приглашали преподавателей французского языка, музыки. В семье «меркантильные» интересы торговли уживались с интересами искусства и литературы [1, с. 155].

А. М. Лушников состоял одновременно в нескольких благотворительных обществах, являлся активным деятелем и инициатором открытия в Троицкосавске-Кяхте образовательных учреждений: Алексеевского реального училища, женской гимназии им. Н. Н. Муравьева-Амурского. При содействии А. М. Лушникова в 1861 г. открывается в Кяхте типография, где печатается газета «Кяхтинский листок». По мере сил и возможностей Алексей Михайлович содействовал этой газете, помещая заметки и передавая туда письма М. А. Бестужева. Вскоре за изданием «Кяхтинского листка» в Кяхте открывается общественная библиотека, содержавшаяся всецело на средства кяхтинцев. Библиотеки в то время имелись в немногих городах Европейской России [2, с. 4].

Александр в 1889 г. по окончании полного курса по коммерческому отделению Алексеевского реального училища с оценками «отлично» и «хорошо» принимает решение продолжить обучение в Санкт-Петербурге в Академии художеств. 22 июня 1891 г. временно исполняющий дело полицмейстера ротмистр Бабаев выдал удостоверение, что он «сын Потомственного почетного граждани-

[1] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 261. Оп. 1. Дело о выдаче свидетельств на звание почетного гражданина. Л. 26.

на. 18 лет, вероисповедания православного. Под следствием и судом не состоял. На выезде его из Кяхты в Санкт-Петербург препятствий не имеется»[1]. С Троицкосавской городской управы получили за № 4:

Свидетельство о принадлежности по купеческому сословию

«Выдано Кяхтинскому купеческому сыну Александру Алексеевичу Лушникову. 18 лет, холост, веры православной. Из Троицкосавской Городской управы 1891 г. ноября 1 дня по 31 декабря 1891 г.»

казначей управы М. А. Кондаков
бухгалтер Мих. Попов[2]

В материалах Российского государственного исторического архива хранится прошение А. А. Лушникова в Императорскую академию художеств.

Дело канцелярии
Императорской академии художеств № 120
Начато 9 августа 1891 г.

В Императорскую академию художеств
Представляю свидетельство о принадлежности к купеческому сословию, метрическое свидетельство, аттестат об окончании Реального училища, свидетельство от полиции о благонадежности. Свидетельство по участку мною будет доставлено через неделю. Имею честь покорнейше просить о допущении меня к вступительным экзаменам. Желаю изучать живопись.

Потомственный почетный гражданин
Александр Алексеевич Лушников[3]

Из архивного материала известно, что Александр обучался в академии до 1894 г. Как вспоминал один из сокурсников Лушникова, известный русский художник В. Э. Борисов-Мусатов: «Худощавое, спокойное лицо с тонкими чертами, нос с легкой горбинкой, маленькие усики. Узкие, словно чуточку «китайские» глаза под стеклами очков. Да Лушников и был выходцем из дальних восточных земель — из Забайкалья. Кассиром посадили его, видать, из-за деловой и бухгалтерской сметки: Лушниковы были владельцами торговой фирмы по продаже чая в Кяхте» [3, с. 10].

В Петербургской академии художеств учеба не принесла ему удовлетворения. Покинув академию, он уехал в 1895 г. в Париж, где поступил в класс известного художника Фернанда Кормона. Париж в те времена был центром мирового искусства. Импрессионисты достигли зенита своей славы и влияли решительно на все школы и художников. Понятно, что А. Лушников не мог оказаться исключением.

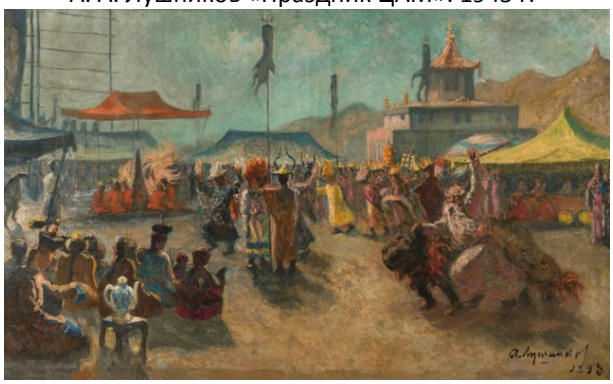
---

[1] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 120. Л. 2.
[2] Там же. Л. 3.
[3] Там же. Л. 1.

Окончив учебу в мастерской Кормона, Лушников не остается на Западе, он окажется так привязан к родным местам и к семейным традициям, что, несмотря на успехи в художестве, вернется через годы к фамильному своему занятию. «Виктор, его друг, будет позже беситься, негодовать, но ведь знал же он, что не один коммерческий дух жил в той Лушниковской тяге, иначе бы просто разорвал с “отступником”, предавшим искусство. А потянет “Алексеича” домой родовая память».

В России в XIX в. уделяли большое внимание изучению Центральной Азии. Русским географическим обществом организовывались экспедиции в Китай, Тибет, Монголию. Через Кяхту проходили экспедиции известных путешественников Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, Д. Н. Клеменца, Г. Н. Потанина, В. А. Обручева и др. Семья Лушниковых из первых уст получала сведения о восточных странах и закрытом для европейцев Тибете. Александр, возвратившись в Забайкалье, вступает в Троицкосавско-Кяхтинское отделение Русского географического общества, основанного в 1894 г. Отделение уделяло большое внимание изучению истории, культуры, религии монголоязычных народов, собиранию монгольских книг и рукописей.

А. А. Лушников «Праздник ЦАМ». 1945 г.[1]



А. А. Лушников «Благословение народа Хутухтой» (Богдо-гэгэном) во время праздника Долон хошун. 1899 г. [2]

[1] Фонды Кяхтинского музея А. А. Лушников «Праздник ЦАМ». 1945 г. ОФ-4130/1. Инв. ЗЖ-104.

[2] Фонды Кяхтинского музея А. А. Лушников «Благословление народа Хутухтой». 1900 г. ОФ-2695.

Самобытность Монголии, ее народа отражена Лушниковым в картине «Благословение народа Хутухтой». Хутухта (Богдо-гэгэн) — глава буддийской церкви Внешней Монголии. Художник в 1899 г. во время праздника Долон хошун был потрясен увиденным почтением и поклонением верующих Богдо-гэгэну VIII. Толпа паломников, съехавшихся со всех концов некогда могущественной Монгольской империи, уселась «длинными рядами прямо от ворот Гэгэновского дворца и в этом положении ожидала его появления». Как отмечает известный русский востоковед А. М. Позднеев: «Можно удивляться, с каким благоговением смотрят все они в сторону, откуда должен появиться Гэгэн народу, и какая тишина царствует во все это время, длящееся для некоторых иногда два и три часа. Отправляясь за тысячу верст, они, безусловно, тратили огромные средства на дорогу и ценные подношения главе монгольской церкви. Однако, вернувшись домой, они чувствовали себя баловнями судьбы, получившими благословение от “живого святого”» [4, с. 184–186].

Картина «Благословение народа Хутухтой» автором была представлена на выставке в Париже. В газете «Байкал» в рубрике «Новости Кяхты — Троицкосавска» была помещена информация, что 8 марта А. А. Лушников выехал на выставку в Париж[1]. Позже кяхтинцы были информированы, что в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже эта картина получила «Почетный отзыв» (Mention Honorable)[2].

В 1902 г. Александр совместно с И. В. Багашевым и братом Иннокентием учредил газету «Байкал». Принимал активное участие в деятельности ТКО ПО ИРГО. В г. Иркутске на праздновании 50-летия Восточно-Сибирского отдела ИРГО выступил с докладом о деятельности ТКО ПО ИРГО. В 1901 г. опубликовал статью (Граф Муравьев-Амурский по отношению к Кяхте // Труды ТКО ПО ИРГО. Т. V), дал оценку вклада Н. Н. Муравьева-Амурского в развитие кяхтинской торговли. В 1902 г. А. А. Лушников принимал участие в 3-й экспедиции ТКО ПО ИРГО на озеро Косогол. Кроме собранных коллекций членами экспедиции были также произведены съемки местности и измерение высот. И возможно, тогда были сделаны фотографии в Монголии, хранящиеся в Кяхтинском музее.

После революции 1917 г. А. А. Лушников выехал из Кяхты, жил в Благовещенске, Владивостоке. Позднее в Москве, где работал во Всероссийском кооперативе художников, в Дарвинском музее, помогал Д. А. Клеменцу в оформлении экспозиции этнографического музея.

Многие кяхтинцы уехали из родного города, но продолжали поддерживать связь с друг другом. Из письма Ивана Казакова (мужа Александры Викторовны Барбот-де-Марни) из Москвы к Лидии Викторовне Игнатьевой (Барбот-де-Марни) в Алма-Ату 1943 г.: «Часто навещаю дядю Сашу и Шуму, делюсь продуктами, которые получаем из Алма-Аты. Живут они очень бедно, плохо у них со

[1] Байкал. 1899. № 19.

[2] Байкал. 1900. № 2. С. 6.

здоровьем». Шума — так звали в семье сына Ивана Ивановича Попова, зятя А. М. Лушникова, автора книги «Минувшее и пережитое», а дядя Саша — это Александр Алексеевич Лушников, дядя Шумы.

Умер А. А. Лушников после войны в 1947 г. Одной из последних работ художника стала картина «Праздник Цам». На картине изображено проведение театрализованного и красочного обряда богослужения Цам-хурал. Дата написания картины — 1943 г.

Проживая в Кяхте, он неоднократно посещал и китайский Маймачен и столицу Монголии Нийслэл Хурээ (Улан-Батор). В Монголии он наблюдал за завораживающим обрядом «Мистерия Цам», ежегодно совершаемым в буддийских монастырях. Экзотические костюмы: страшные, птичьи или звероподобные маски с клыками в оскаленных пастях, украшенные черепами; резкие, пугающие движения танцоров — таково первое впечатление от мистерии. Прототипы масок Цама ученые находят на древних петроглифах и наскальных рисунках Центральной Азии.

Цам — это танец мистического содержания, во время которого монахи, облаченные в костюмы и маски, с помощью символических жестов и движений представляют персонажей буддийского пантеона. Цель мистерии — показать присутствие божества на земле и отдалить злых духов (шимнусов) от последователей Будды. Главная задача мистерии Цам — распространение блага для местности, где она проводится. Это театрализованное представление с большим количеством участников собирало тысячи верующих и могло длиться несколько часов. В дацанах хранились специальные руководства на тибетском языке по проведению ритуальных танцев, а ламы высокого посвящения руководили всей церемонией мистерии, постановкой танца и пантомимы. Задолго до начала ритуала ламы, исполняющие роли главных персонажей, проходят длительное затворничество, созерцая то божество, которое затем будут представлять в танце. В монастырях работали ламы — мастера по пошиву разнообразных и сложных костюмов для персонажей мистерии, существовали мастерские по изготовлению масок, реквизита, ритуальных предметов. Маски для Цама обычно делали из папье-маше и расписывали минеральными красками. Некоторые маски украшали кораллами, бирюзой, малахитом, дополняли позолоченными серьгами и короной. Перед использованием маски освящали. Их изготовление приравнивалось к высокому искусству. Роль, которая доверялась тому или иному ламе, зависела, прежде всего, от его знаний в области буддийской философии и мистических основ Цама. Исполнителями ролей гневных божеств — докшитов — могли быть только ламы высокого посвящения, в то время как ламы среднего уровня исполняли роли второстепенных божеств свиты. Очень важная роль в Цаме отводилась музыкантам, которые аккомпанировали танцующим монахам. Музыка для ламского оркестра была расписана по инструментам, для каждого бога существовала своя мелодия, свой ритм.

На картине мы видим, что церемония проводится летом перед буддийским храмом. В церемонии участвуют злые и добрые персонажи, а также различные животные, символизирующие разные грани буддийского учения. В центральной части представлены главные персонажи Цам: Джамсаран — бог войны, один из самых гневных докшитов, бог смерти Ямараджа, или Чойчжал, в обличье быка. Следующим участником действия показан Ваджрапани — один из бодхисаттв, охраняющих Будду и его учение. Ваджрапани — это бог целительства. Справа на картине изображен Белый старец, божество местности (монг. газрын эзэн; савдаг), сопровождаемый драконом, защитником Будды и буддийского Учения, а также другие участники действия. Все персонажи отображены художником не в статичном положении, а в движении. Вокруг импровизированной сцены расположились верующие.

В сценическом (материальном) плане решение главных задач мистерии — усмирение зла (очищение мира) и устрашение врагов веры — происходит следующим образом. Перед началом церемонии из теста, бумаги или деревянных реек (в разных монастырях своя традиция) создаются два предмета: фигурка врага веры, слепленная из теста — «линг» (похожая на человечка), а также «сор» — жертвенная пирамида из реек и бумаги, напоминающая наконечник стрелы, увенчанная человеческим черепом из теста. Мистерия заканчивается уничтожением сора и линга. Во время церемонии Цам с помощью движений монахов эти два предмета «наполняются» из окружающего мира злой энергией (плохой кармой), а потому должны быть уничтожены, их сжигают на большом костре, что и отобразил художник А. Лушников. Картина в музей поступила в 1969 г.

Сотрудники одного из ведущих музеев России — Дарвиновского государственного музея — писали о художнике Александре Алексеевиче Лушникове (1872–1947): «Сын известного кяхтинского купца-мецената А. М. Лушникова. Закончил Петербургскую академию художеств, учился в Париже. Работал во Всероссийском кооперативе художников в Москве, в Дарвиновском музее, сотрудничал с другими музеями России. Дальний родственник В. В. Кандинского. А. А. Лушников — художник разноплановый, работал в разных жанрах и направлениях. И всегда это получалось очень талантливо. К большому нашему сожалению, Дарвиновский музей утратил все работы художника. В 1970-х г. музей заставили избавиться от “непрофильных активов” и передать картины мастера другому учреждению. О чем мы горько сожалеем!».

Последнюю свою работу «Старый Троицкосавск» А. А. Лушников писал в 1945 г. по заказу А. Н. Орловой, директора Кяхтинского музея, по памяти и старым фотографиям. На картине изображен вид «Старой Кяхты», написанный по рисункам и фотографиям, сохранившимся у художника. Талантливая работа пополнила коллекцию купеческой семьи А. М. Лушникова.

Литература

1. Цыденова Л. Б. А. М. Лушников — кяхтинский купец первой гильдии, меценат, просветитель // Цыбик чайных историй: очерки по истории русско-китайской чайной торговли. М., 2017. С. 149–156.

2. Назимов К. И. Страничка из истории Кяхты (А. М. Лушников) // Восточное обозрение. Иркутск, 1901. № 141. С. 4.

3. Шилов К. В. Борисов-Мусатов // Жизнь замечат. людей. Сер. Биогр. Вып. 781. М.: Мол. гвардия, 2000. С. 406.

4. Позднеев А. М. Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880. 84 с.